

Новгороду-Северскому посвящается

Облака, потемнев, как вареники с вишней,
В кипятке августовского неба подвижны:

Скоро лопнут, сварившись, — по зелени пышной
Застучит горный сок благодатным дождем.
Ложка Божья сверкнет, снедь ко рту поднимая,
И с последним вареником влага живая
Соберется в рушник — он от края до края
Небосвода горит семицветным огнем.

По Урицкого дядя плывет на телеге —
Меж колес ручеек завихряется пегий.
Голенища — всегда для пшенички сусеки,
И сегодня кормилец придет не пустой.
Куры ждут. Тетя крошит ботву в огороде.
Папа мой, на рыбалку собравшийся вроде,
«З приймачем очікує прогнозу погоди»,
То есть слушает радио с местной попсой.

Три славянских сестры, разделившие беды,
Вы напрасно на верность давали обеты,
Собирались в кружок для душевной беседы,
Чтоб на суржике вновь о любви говорить.
У Десны, в славной вотчине Игоря-князя,
Под стеной монастырской я маленький лазил.
Сорок лет не прошло — и никто нас не сглазил,
И родные остались вне времени жить.

Облака над Радяньской плывут Украиной.
Дядя дрыхнет в телеге, накрывшись холстиной.
Приближается дождь, я машу хворостиной —
Загоняю назойливых пестрых курей.
Наливается соком небесный вареник,
Тетя, бросив ботву, вдруг берется за веник,
С «Кобзарем» драгоценным влез папа на сенник,
Домового вспугнув скрипом старых дверей.

★ ★ ★

Собиралось по малину войско витязей босых
Рвать кольчужки в хвост и гриву
в колких зарослях густых,
Наглотаться ягод споро, измазюкав соком рот,
Подивиться в щель забора на соседский огород.

Там спускались веки Вия — ветки груши — до земли,
И слезины пребольшие в мягкий войлок трав текли.
Бусы в россыпи сапфиров оплетали шеи слив,
По ноздрям лупил задира — белый яблочный налив.

Умыкнуть богатство просто: щель раздвинь да полезай,
Но слышна Кащья поступь — это Фролка-полицай,
Отсидевший в клетке ворон, между грядок целит шаг —
Детворы заклятый ворог, взрослым тоже лютый враг.

Не на груши-скороспелки мы сбежались посмотреть,
Им в сезон цена — копейки, а на сеявшего смерть
Перебежчика-иуду с ошетенным лицом...
Обещал отцу — не буду говорить я с подлецом.

«По малину» — только повод, наш мальчишеский обман.
Войско витязей толково составляет дерзкий план
Учинить разор злодею — продолжение войны:
Потоптаться по порею, продырявить кавуны.

За порог не кажет носа недобиток двадцать лет —
Мужу-гаду жинка носит пачки скверных сигарет:
— Вин такой-сякой, а жалко, вновь принимала дурака...
... А Десна катает гальку, пережившую века.

* * *

Генсек трясущейся рукой сжимал штурвал —
пока живой, и было мило:
Рекордный убирала хлеб, ходили в СТЭМ, стучали степ,
ключом нефть била.
У хаты сидя на крыльце, кузен расстреливал цеце, а дядя с папой,
Закинув пару рюмок зла, вдруг дружно начали базлать
(окурки — на пол):
«Ничого в будинках нема, напрасно Ленина тома в шкафу пылятся —
Нам не построить коммунизм без нефтедолларовых клизм,
как ни стараться».
Я был, признаюсь, удручен, хоть клизмы были ни при чем —
позор страшнее,
И даже гончий пес Валет, под хвост отправив свой портрет
до самой шеи.
Про незалежность заскулил — ошейник жал, а зной давил,
кусались блохи.
Плыл Серп-и-Молот в небеси...
Как ржавый символ всех бесил в конце эпохи!
Афган, Тбилиси и Баку еще согнут страну в дугу, но это — после,
Земля утраченных идей томилась в красоте своей у сердца возле.
Оранжевый садился диск. Был резок поросячий визг. Брели коровы.
Одна игра у батрака — срывай, цепляй, носи в руках свои оковы.
«Вам, москалям, досталось все!» — я мелок был да вот просек
в кустах поречки*, —
«Віддайте ж нашу ковбасу!..» Генсек не слышал —
он заснул бровями к печке.

* Красная смородина.

У каждого русского есть Украина —
Своя, не чужая, от предков, надолго.
Жар красного гнева, стынь черного сплина
В душе поселились, прошитой осколком.
Руины, пожарища, сироты, вдовы,
От горя землистые беженцев лица...
С дивчиной не встретится парубок снова
В вишневом садочке у старой криницы.
От снайперской пули он пал под Луганском,
Накрыло ее «Ураганом» в Донецке —
Повесили цацку нацгаду на лацкан:
«Луни колорадов, боєць, молодецьки!»
Раздел и раздрай, бесноватые толпы
У Рады взывают к убийствам, к майдану.
Любой онемее, ослепнет, оглохнет,
Увидев могилу обнявшую маму.
Отдушина русских сердец — Украина.
В чарующих песнях под звуки бандуры,
В лихом гопаке, в хате, мазаной глиной,
С гнездом черногуза*, в пейзажах с натуры,
В бессмертных твореньях Тараса и Леси,
И в Гоголя строках — мудрейших из мудрых —
Любовь расцветала... Столетия мы вместе,
Зачем же на плахе оплакивать кудри?
Кровавый ручей, не струись между нами.
Пришли лиходеи — любовь отравили,
Но память больными, в прожилках руками
Ее воскресит, и напишутся были
Потомкам двух братских земель в назиданье:
«Не режь по живому, не бей славянина!»,
Лишь матери скорбной не стихнет рыданье...
У каждого русского есть Украина!

* Белый аист.